

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ORCID: 0000-0002-9055-6234

*Н. В. Руденко**

Осенний синологический симпозиум: обзор конференции «История, культура и язык Китая» (ИВ РАН, 27–28 октября 2022 г.)

Аннотация. Статья представляет собой обзор научной конференции «История, культура и язык Китая», прошедшей 27–28 октября 2022 г. в Институте востоковедения РАН при поддержке Международной издательской компании «Шанс». Изложено краткое содержание прочитанных докладов, в общих чертах описан ход конференции, а также приведены сведения о её участниках и их аффилиации.

Ключевые слова: Китай, китайский язык, китайская культура, история Китая, литература Китая, история российско-китайских отношений, «Общество и государство в Китае», китаеведение, критика, переводоведение

*Nikolai V. Rudenko***

Autumn Sinological Symposium: Review of the Conference «Chinese History, Culture and Language» (IOS RAS, October 27–28, 2022)

* *Руденко Николай Владимирович*, канд. филос. наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), nikolay_rudenko@mail.ru

** *Rudenko Nikolai Vladimirovich*, Ph. D. (Philosophy), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), nikolay_rudenko@mail.ru

© Руденко Н. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

Abstract. The article reviews Conference «Chinese History, Culture and Language» held at the Institute of Oriental Studies RAS on October, 27–28 supported by Shans International Publishing Company. It briefly describes the contents of the presentations, the general course of the conference and provides information about the participants and their affiliations.

Keywords: China, Chinese language, Chinese culture, Chinese history, Chinese literature, history of Russian-Chinese relations, State and Society in China, Sinology, critique, translation studies

27–28 октября в Институте востоковедения РАН состоялась научная конференция «История, культура и язык Китая», организатором которой выступил отдел Китая ИВ РАН при поддержке Международной издательской компании «Шанс». Центральными для докладов и обсуждений стали проблемы перевода с древнего и современного китайского языка, актуальные вопросы преподавания китайского языка и литературы, а также история российско-китайских отношений.

Открыл конференцию **зав. отделом Китая ИВ РАН А. И. Кобзев**, во вступительном слове выразив благодарность компании «Шанс» за поддержку и подчеркнув её значительный вклад в благородное дело издания и восстановления культуры перевода научной литературы. После этого выступающим были представлены новышедшие книги отдела Китая, среди которых – переводы таких трудов, как «Духовные основы китайской культуры» Лоу Юй-ле (издание «Шанса»), «Хрестоматия прекрасной добродетели Китая» Су Шу-яна, «Самый ранний Китай» Сюй Хуна и «Гуманитарный дух даосизма» Чэнь Гу-ина, а также подготовленное А. Д. Дикарёвым, А. И. Кобзевым и Е. С. Скрыпник издание «Полвека конференции “Общество и государство в Китае”. Исторический очерк и аналитический указатель». А. И. Кобзев подчеркнул, что традиционная роль отдела Китая ИВ РАН – продвижение научных стандартов классической синологии в публичном поле – в настоящее время становится ещё более актуальной на фоне сокращения поддержки научных исследований при одновременном обилии в СМИ китайцеведческой экспертизы сомнительного качества. Также было объяснено название конференции с точки зрения цивилизационного подхода: именно история, культура и язык являются ключевыми

составляющими цивилизации. Наконец, выступающий поставил вопрос о назревшей необходимости учреждения новой российской ассоциации китаеведов, некоторые соображения по поводу чего были ранее озвучены представителями издательства «Шанс», и призвал к широкому обсуждению данного начинания, предложив расширить охват потенциальной ассоциации до китаистов в целом как более общей категории, включающей в себя не только учёных-китаеведов и преподавателей китайского языка, но также переводчиков, дипломатов, коммерсантов, религиозных деятелей и т. д., то есть всех специалистов, профессионально связанных с Китаем и обладающих достоверной информацией о нем.

После этого с обращением выступил **заместитель директора ИВ РАН по научной работе В. Ц. Головачёв**, поблагодаривший участников конференции и компанию «Шанс», особо отметив при этом выдающийся состав докладчиков и актуальность заявленных тем, а также выразив надежду, что настоящая конференция станет регулярным осенним мероприятием, составив достойную пару с традиционно весенней старейшей отечественной синологической конференцией «Общество и государство в Китае».

Завершил серию приветственных слов **генеральный директор компании «Шанс» г-н Му Пин 穆平**, в формате видеообращения пожелавший участникам конференции успешных исследований и плодотворной работы и отметивший, что сотрудничество с синологами и преподавателями китайского языка очень важно для реализации задач компании, особенно в трудных условиях пандемии коронавируса. Выступающий подчеркнул, что в текущей ситуации особую актуальность обретает создание платформы для профессиональной коммуникации, которая позволила бы лучше понять потребности российской аудитории в издании научной литературы о Китае, в том числе переводной, а также заверил, что компания «Шанс» сделает всё от неё зависящее для развития такого рода платформы и выразил надежду на поддержку коллег в этом начинании.

Научные доклады утренней секции под председательством А. И. Кобзева начались с выступления **М. Ю. Ульянова (ИСАА МГУ)** о новом полном переводе на английский язык исторической хро-

ники «Комментарий Цзо к Чуньцю», или «Чуньцю Цзо-чжуань» 春秋左传 (Zuo Tradition Zuo zhuan. Commentary on the “*Spring and Autumn Annals*”. Tr. and intr. by Stephen Durrant, Wai-ye Li, David Schaberg. 2016). Докладчик отметил как сильные стороны перевода, так и некоторые его недостатки: к первым относится приближенность к оригиналу и наличие параллельного иероглифического текста, ко вторым – краткость комментария и его общая ориентация на китайский комментарий Ян Бо-цзюня 楊伯峻 (1909–1992), из-за чего некоторые важные понятия и исторические реалии эпохи Чуньцю (771–453) остались нераскрытыми; кроме того, не всегда оказались указаны пересечения с другими историческими источниками. Доклад дал повод поставить вопросы о необходимости переводов классических памятников, оптимальной форме подачи перевода и комментария к нему, а также выделении элементов структуры текста. Кроме того, желательным было названо выполнение в ходе перевода источниковедческих и текстологических исследований, анализа наиболее важных содержательных особенностей памятника с позиции профессиональной специализации переводчика: историка, литературоведа, историка филологической мысли.

Продолжил заседание **К. М. Барский (МГИМО МИД РФ)** с докладом об интеллектуальном бэкграунде первых дипломатов КНР, в котором отметил, что несмотря на бесспорное влияние Советского Союза на дипломатию Китайской Народной Республики в первые годы её существования, данный фактор был далеко не единственным и в значительной степени также определялся национально-культурными особенностями и традициями, которые требуют изучения и в наше время. К ним, в частности, докладчик отнёс морализаторский характер внешней политики КНР, опору на ценности китайской культуры, тактическую гибкость при стратегической твёрдости, а также приоритет общих принципов над буквой конкретных актов и договорённостей. Далее внимание аудитории было привлечено к образованию ведущих политических деятелей КНР: так, Мао Цзэ-дун 毛泽东 (1893–1976) и Чжоу Эньлай 周恩来 (1898–1976) получили классическое китайское образование (первый – в уездной школе, второй – на дому), а западными

философско-политическими идеями увлеклись уже позже, в студенчестве, в результате они получили возможность обрести представление как о собственной культуре, так и об актуальной мировой политической системе, что позволило им сформировать адекватное видение места Китая в мире. Хорошо знакомы с зарубежными идеями были и другие крупные дипломатические деятели КНР, обучавшиеся за рубежом (в Японии, Германии, СССР): Ван Цзя-сян 王稼祥 (1906–1974), Цяо Гуань-хуа 乔冠华 (1913–1983) и др. Отдельно выступающий отметил высокий процент военачальников среди дипломатов КНР, что связано, по его мнению, с традиционным представлении о дипломатии как одной из форм войны.

В продолжение дипломатической тематики **В. Ю. Захаров** (МИД РФ, ШОС) осветил непростой период восстановления двусторонних отношений между СССР и Китаем в области культуры в 80-х гг. Данный процесс начался с поездок заведующего первым Дальневосточным отделом МИД СССР М. С. Капицы (1921–1995), за которым последовало направление в Китай малых художественных коллективов музыкантов, певцов, артистов балета с выступлением в посольстве и Центральной консерватории и театрах Пекина. Затем по инициативе советской стороны в Китае состоялась выставка русской и советской живописи из собраний Третьяковской галереи и иных – особый успех при этом имела выставка живописи И. И. Левитана (1860–1900) из собраний музеев Поволжья. Кроме того, расширение контактов с китайскими издателями способствовало изданию в Китае русских и советских писателей и проведению тематических выставок в посольстве во время визитов советских и российских лидеров. Одновременно с этим стороны начали обмены в области циркового искусства, а в Китае была создана сеть любительских хоров русской и советской песни, были возобновлены выступления в КНР на межгосударственной и коммерческой основе ансамблей им. Александрова, МВД СССР, «Березка», а также ансамбля Игоря Моисеева. Таким образом, по мнению докладчика, к концу 80-х годов сторонам удалось максимально насытить содержание культурных связей и тем самым подготовить полноформатную нормализацию двусторонних отношений во всех областях.

В прозвучавшем далее докладе **Т. Г. Семёновой (МИД РФ)** был дан краткий экскурс в историю развития обучения практическому применению китайского языка в дипломатическом ведомстве с XVIII по XXI в. Она отметила, что постепенное расширение внешних связей российской империи способствовало увеличению числа используемых во внешнеполитическом ведомстве языков: так, обучение китайскому языку для нужд Коллегии иностранных дел началось с учреждения Духовной миссии в Пекине в 1715 г., после чего начиная с 1739 года в России начали открываться первые школы китайского языка, в которых преподавали люди, прошедшие практику в Пекинской миссии, а в 1823 году при Азиатском департаменте МИД было открыто учебное отделение для восточных языков. Широкомасштабное же преподавание китайского языка в дипломатическом ведомстве началось с середины 1930-х гг. и продолжается по сей день. Докладчик подчеркнула, что распад Советского Союза поставил перед ведомством новые задачи и, преодолев сложный период 90-х гг., Высшие курсы иностранных языков МИД РФ успешно продолжают начатое 200 лет назад дело подготовки специалистов, владеющих китайским языком.

Выступление **А. Н. Алексахина (МГИМО МИД РФ)** было посвящено проблеме соотношения слова и иероглифа, которая была названа ключевой для преподавания китайского языка. Была кратко освещена история формирования в Китае общедоступного для населения стандарта устного языка, а также подчеркнут основополагающий вклад в решение этой задачи проекта «Пинь-инь цзы-му» 拼音字母 (букв. «Буквы с приставленным звучанием»); кроме того, докладчик поделился с аудиторией воспоминаниями об изучении диалекта хакка и общении с известным лингвистом В. М. Солнцевым (1928–2000) и историком китайской философии А. Е. Лукьяновым (1948–1921). Отвечая на вопрос А. И. Кобзева, не является ли диалект хакка языком, а не диалектом, докладчик согласился с таким терминологическим уточнением.

Завершилась утренняя секция докладом **А. В. Семёнова (Дипломатическая академия МИД РФ)** о преподавании китайского языка как языка профессиональной деятельности в неязыко-

вом вузе. Выступающим была подчёркнута произошедшая в этом процессе смена парадигмы закрытости образования с акцентом на приобретение знаний посредством грамматически-переводного метода на парадигму открытости образования и приоритет практического использования китайского языка посредством коммуникативного метода. В результате этого знание китайского языка стало означать умение говорить на нём, понимание же текста на китайском языке было вытеснено на периферию учебного процесса в неязыковом вузе, вследствие чего выпускники зачастую могут общаться на заданные профессиональные темы, но испытывают непреодолимые затруднения при чтении профессиональной литературы. По мнению докладчика, данная проблема приобретает особую актуальность в связи со сложной политической и экономической обстановкой в мире и частичным закрытием Китая из-за ковидных ограничений, что постепенно приводит к «суверенизации образования», то есть смене его парадигмы с глобальной на локальную, из чего вытекает необходимость проведения широкой дискуссии для определения того, какой уровень китайского профессионального языка требуется в России, и выработки на этом основании рекомендаций для программ обучения китайскому языку профессиональной деятельности в неязыковых вузах.

Вечерняя секция первого дня под председательством **С. В. Дмитриева (ИВ РАН)** стартовала с доклада **Т. Г. Завьяловой (Сибирский институт управления (РАНХиГС), Новосибирск; НГУ)** об идентификации переводческих ошибок и методах их диагностики. Представленная методика оценки перевода была разработана и апробирована докладчиком в ходе преподавания курса «Аналитический перевод» в Новосибирском государственном университете. Был выделен ряд общих оцениваемых свойств перевода – его полнота, точность, а также функциональная адекватность; кроме того, предложено разделить процесс оценки ошибок на несколько этапов – с точки зрения текста китайского, текста русского, а затем – с точки зрения соответствия между ними. Подробно ознакомиться с критериями ошибок можно на схеме ниже:

В развитие темы переводческих трудностей и методов работы с ними **В. М. Рыбаков (ИВР РАН)** привлек внимание аудитории к тому факту, что ни в отечественном, ни в западном востоковедении до сих пор не существует общепринятой и общепонятной системы перевода старокитайских наименований учреждений и должностей на другой язык. Между тем административная система традиционного Китая была одной из самых проработанных в мировой истории, играла важнейшую роль в жизни страны, занимала огромное место в китайской социально-политической и философской мысли, и практически ни одна современная работа по собственно китайской истории не может обойтись без упоминаний тех или иных административных терминов. В результате, по мнению докладчика, современная наука теряет очень важный пласт смыслов, теряет культурологический аспект бюрократии, лишает себя всякой возможности увидеть и понять, как сами тогдашние китайцы видели задачу и значение того или иного учреждения или должностной функции. В завершение В. М. Рыбаков сформулировал несколько основополагающих принципов, на которых должна в будущем строиться работа по системной ликвидации этого серьёзного упущения современной синологии, и на ряде конкретных примеров продемонстрировал, как на практике могут применяться эти принципы.

О. А. Бонч-Осмоловская (ИВР РАН) подняла проблему понимания средневековыми китайцами теории жанра и связанную с этим проблему корректного перевода жанровых маркеров. Ею была отмечена важность рассмотрения китайских жанров в историческом контексте, учитывая их идеологическую направленность в исторической динамике, поскольку одни и те же жанровые маркеры могли применяться в разное время и в разных традициях для обозначения совершенно разных типов произведений. Докладчик высказала мнение, что поскольку в Китае доминируют не внутрилитературные критерии жанров (такие как объём, ритм и тематика произведений), а внелитературные (автор и его групповая принадлежность, время и место написания произведения), следовательно, жанр здесь является не только классификатором, но в значительной степени и ключом к пониманию тех или иных культурных явлений, а классификация на основании одних лишь формальных признаков представляется малопродуктивной. В ходе выступления были перечислены основные средневековые произведения, в которых затрагивается проблема жанра, – «Суждения о литературе» («Лунь-вэнь» 論文) Цао Пи 曹丕 (187–226), «Литературные оды» («Вэнь-фу» 文賦) Лу Цзи 陸機 (261–303), «Литературные [устремления] сердца и вырезание драконов» («Вэнь-синь дяо-лун» 文心雕龍) Лю Се 劉勰 (465?–520?), «Описание и обсуждение течений и отделений литературных статей» («Вэнь-чжан лю-бе чжи-лунь» 文章流別志論) Чжи Юя 摯虞 (250–300), «Предисловие к литературному сборнику» («Вэнь-сюань сюй» 文選序) Сяо Туна 蕭統 (501–531), а также «Проникновение в историю» («Ши-тун» 史通) Лю Чжи-цзи 劉知幾 (661–721). Наконец, была освещена проблема различения структурно-функционального жанра *ти-цай* 體裁 и выразительного стиля *вэнь-ти* 文體.

В докладе **М. Л. Лепнёвой** (независимый исследователь) была рассмотрена терминология жизнеописаний буддийских монахов в «Генеалогии светильника школы Люй-цзун» («Люй-цзун дэн-пу» 律宗燈譜, 1765 г.). Отмечено, что при подведении итогов жизненного пути монаха наряду с общей продолжительностью жизни указывается длительность периода с момента пострига и до смерти, а также периода с момента принятия полных обетов и до смерти;

причём как в первом, так и во втором случае могут использоваться различные термины, значение которых было установлено путём сопоставления с информацией из повествовательной части жизнеописаний. Согласно выводу докладчика, такой анализ позволяет подтвердить или скорректировать значения соответствующих терминов, приводимые в буддологических словарях.

Доклад **П. Д. Ленкова (РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург)**, посвящённый проблемам перевода терминологии в позднедаосских текстах на примере синкретической школы Цюань-чжэнь 全真 («Всеобъемлющая истина»), или Цюань-чжэнь-цзяо 全真教 («Учение всеобъемлющей истины»), главным образом основывался на тексте «Лунмэнь синь-фа» 龍門心法 («Закон сердца-сознания [согласно традиции] Лунмэнь») Ван Чан-юэ 王常月 (?–1680). Специфика подобных позднедаосских текстов, по мнению докладчика, состоит в использовании как собственно даосских, так и буддийских, и конфуцианских терминов, то есть в синкретизме / синтезе на всех уровнях системы – доктринальном, психотехническом и дискурсивном. На примере категории *фа* 法 была рассмотрена проблема выбора уместной для перевода терминологии, которая зачастую должна одновременно задействовать и буддийские коннотации («дхарма»), и общелексические («закон, образец»). Докладчик предложил следующие принципы перевода терминологии позднедаосских текстов: 1) по возможности переводить термины на русский язык и оставлять без перевода только не имеющие аналогов в русской и европейской интеллектуальной истории; 2) «обратные» переводы (например, с китайского на санскрит) допустимы, но не следует ими злоупотреблять; 3) при выборе слова для перевода следует учитывать прежде всего понятность текста для читателя, мыслящего на языке перевода; 4) если термин связан с одной из самостоятельных традиций (даосизм, конфуцианство, буддизм) и весь переводимый фрагмент написан в определенном стиле, это указывает на предпочтительность выбора для перевода слова, связанного с этой традицией, однако не отменяет пункта 3; 5) при подозрении на сознательную полисемию в китайском тексте следует давать остальные релевантные варианты перевода в примечаниях/комментариях.

Проблему перевода даосской терминологии развила **И. В. Белая (ИВ РАН)**, посвятившая свой доклад исполненным даосской лексикой стихотворениям, приписываемым Сунь Бу-эр 孫不二 (1119–1182), одной из видных представителей вышеупомянутой школы Цюаньчжэнь. Было продемонстрировано, что данные произведения зачастую являются, по сути, зашифрованной инструкцией к самосовершенствованию, понятной только даосскому адепту. К примеру, под «тигром» подразумевалась пневма-*ци*, под «драконом» – дух-*шэнь*, а под «истинным логовом» (*чжэнь-сюэ* 真穴) – область между грудой у женщин. По мнению докладчика, стихотворная форма использовалась даосами во многом из мнемонических соображений, для лучшего запоминания практик.

Завершил первый день конференции доклад **Ли Ин-нань** 李英男 (**Пекинский университет иностранных языков (Бэйцзин вай-го юй дасюэ** 北京外国语大学)) о китайской военной драме «Озеро Чанцзинь» («Чанцзинь-ху» 長津湖), ставшей лидером домашнего кинопроката в 2021 г. Сюжет картины посвящён одному из ключевых сражений Корейской войны, произошедшему 27 ноября – 13 декабря 1950 г. между силами ООН и китайскими добровольцами. Докладчик отметила, что несмотря на очевидное влияние Голливуда, в китайском кинематографе всё ещё остаются заметными элементы советского военного кино. Были рассмотрены общественные отклики на фильм – как одобрительные, так и критические, причём критика главным образом вызвана несоответствием сюжета историческим реалиям (к примеру, сценами не существовавшей в реальности бомбардировки американской авиацией китайского г. Шэньяня). Кроме того, выступавшая обратила внимание на рост в Китае на волне популярности фильма интереса к историческим книгам и сборникам воспоминаний о Корейской войне, что говорит о социальном запросе на историческую правду и всё более явном стремлении общества отойти от излишней мифологизации событий в угоду идеологическим целям.

Второй день конференции открыл блок докладов, посвящённых Древнему Китаю, – модератором утреннего заседания выступил **Н. В. Руденко (ИВ РАН)**. В первом докладе секции **С. Ю. Рыков (Институт философии РАН)** поделился размышлениями об основ-

ных стратегиях перевода древнекитайских философских текстов, трудности которого вызваны главным образом грамматической неопределённостью, лаконизмом стиля, широтой семантики и богатством лексики. Были выделены основные персоналии, внесшие вклад в разработку соответствующих проблем (К. Харбсмайер (1946 г. р.), В. С. Спирын (1929–2002), А. М. Карапетьянц (1943–2021), А. И. Кобзев (1953 г. р.)), а также рассмотрены разнонаправленные переводческие векторы европейской традиции – стремление передать текст автора, как он бы заговорил, если бы язык перевода был его родным (Н. П. Д’Абланкур, 1606–1664), либо передать текст автора максимально таким, какой он есть на языке оригинала, средствами своего языка (И. Г. Гердер, 1744–1803). Докладчик предложил определение научности перевода как свойства, сочетающего упорядоченность (включает экономность, последовательность и эксплицитность) и аналитизм; кроме того, был выдвинут ряд рекомендаций для публикуемых научных переводов, а также отмечен значительный потенциал онлайн-технологий для его стандартизации и популяризации этих стандартов.

Т. А. Сафин (ИВ РАН) попытался представить, как должно выглядеть идеальное издание древнейшей китайской эпиграфики (надписей на гадательных костях), а именно: содержать эстампаж (или фотографию) и прорисовку, максимально точную передачу древнего текста в модернизированной графике (при том, что довольно часто известное слово записывается нестандартным иероглифом и при издании текста его автоматически меняют на более привычный), транскрипцию в древнекитайских чтениях, глоссирование и перевод, а также учитывать контекст надписи. Было продемонстрировано, какие ошибки могут возникать при недостаточном внимании к эстампажу или контексту, а также при отсутствии транскрипции. Слушателям был предложен образец цитирования надписей на гадательных костях в научной работе, охарактеризованный докладчиком как далекий от идеального, но вполне пригодный для практического применения.

Доклад **С. В. Дмитриева (ИВ РАН)** был посвящён проблемам перевода и публикации эпиграфических текстов на чжоуской бронзе (*цзинь-вэнь* 金文) и имел историографически-прикладной

характер. Докладчик подробно рассмотрел важнейшие публикации переводов чжоуской эпиграфики на западных и русском языках, наиболее актуальные издания текстов (корпуса) – как в традиционном «бумажном», так и в цифровом формате, а также охарактеризовал основные словари, на которые можно опираться при работе с этими специфическими текстами.

Особое оживление аудитории вызвал доклад **В. В. Круглова** (МГИМО, МПГУ) «Рефлексия на исследование нумерологической традиции Древнего Китая», представленный в форме видеозаписи и посвящённый критике в адрес нумерологических исследований не названного по имени «авторитетного исследователя», фигурировавшего в докладе под кратким обозначением «АИ», что было объяснено стремлением «соблюсти все тонкости научной корректности и профессиональной этики». Примечательно, что соавтором данного выступления был назван покойный научный руководитель докладчика А. М. Карапетьянц. В частности, В. В. Круглов высказал мысль о том, что «манипуляции с в общем небольшими по величине числами при наличии возможности подсчёта разных объектов и в разных сочетаниях всегда позволяют получить результаты, кажущиеся осмысленными», а также о «представлении в имеющихся работах некоторого здания, возведенного трудом не одного человека, как собственного сооружения, которое оставляет за другими лишь право на фундамент и архитектурные украшения», что «получилось благодаря изъятию из него достаточно важных частей, сконструированных другими, а здание, как известно, из-за этого теряет необходимую устойчивость». В ходе обсуждения доклада А. И. Кобзев пояснил, что аббревиатура «АИ» подразумевает его инициалы, поскольку процитированные фрагменты были взяты из его монографии «Учение о символах и числах в китайской классической философии» 1994 г., после чего достоянием общественности стали некоторые вненаучные обстоятельства и мотивы докладчика, предшествовавшие данному выступлению, подробно о которых см. ниже.

В завершившем секцию докладе **М. Е. Кравцовой** (**независимый исследователь**) был предпринят анализ первых трёх строф знаменитой древнекитайской поэмы «Ли сао» 離騷 («Скорбь отвер-

женного / Столкновение со скорбью») из собрания «чуских строф» (*чу-цы* 楚辭) и были показаны две их альтернативные интерпретации, восходящие к комментаторской традиции и оставшиеся в силе в современном китайском чуцзведении. В первой из них этих строфы рассматриваются в качестве своего рода преамбулы к каноническому жизнеописанию Цюй Юаня 屈原 (340? – 278? до н. э.) из «Записок историографа» («Ши цзи» 史記) Сыма Цяня 司馬遷 (145? – 86? гг. до н. э.), что предопределило восприятие образа литературного героя как молодого аристократа, наслаждающегося жизнью: на этой интерпретации основываются и русскоязычные переводы (поэтические переложения) «Ли сао» А. А. Ахматовой (1889–1966), А. И. Гитовича (1909–1966) и А. И. Балина (1890–1937). Во второй версии акцентируется факт принадлежности литературного героя к духовной элите общества царства Чу 楚: приведенные в тексте детали его внешнего облика, а именно элементы одевания, позволяют предположить, что это сказано о человеке, воспитанном в уединении и занимавшемся духовным совершенствованием, а также, возможно, постигавшем учения и практики, связанные с обретением бессмертия. В русле данной версии автор поэмы поднимает два вопроса: почему и зачем молодой человек, подготовляемый для постижения высших духовных ценностей и обретения индивидуального «спасения», решает «спасать мир»? И насколько возможно участие в государственных делах «идеалиста», не имеющего никаких подлинных знаний о реалиях политической (придворной) жизни и жизни общества в целом за пределами его «духовного мира»? На взгляд докладчика, столкновение идеалистического мировосприятия и «суровой правды жизни» как раз и составляет главную трагедию литературного героя как непосредственно «Ли сао», так и других произведений *чу-цы*.

Финальное, вечернее заседание второго дня провёл **М. Ю. Ульянов (ИСАА МГУ)**. В докладе **В. Э. Шереметовой (Санкт-Петербургский политехнический университет)** была предпринята попытка выделить виды надписей на ханьских погребальных рельефах, а также определить закономерности их расположения на рельефе в зависимости от функций. Кроме того, была приведена статистика, наглядно показывающая региональное распростране-

ние нанесения надписей на погребальные плиты. Помимо положения надписи на рельефе также рассматривались типы наносимых изображений и их сюжетов. Ханьские рельефы были сопоставлены с послеханьскими для определения характерных отличий, что позволило проследить дальнейшую тенденцию в закономерностях изображений и надписей на погребальных рельефах.

А. Э. Терехов (ИВР РАН; Санкт-Петербургский политехнический университет) продемонстрировал и исследовал ошибку средневекового китайского историка Ло Ми 羅泌 (1131–1189/1203) в переводе с древнекитайского, что привело к возникновению нового персонажа мифологизированной истории. В сочинении Ло Ми «Великая история» («Лу-ши» 路史), посвящённому древнейшей истории Китая, упомянут правитель Цы-минь 次民 / Цы-ши-минь 次是民, о котором сообщается только факт его смерти, однако в результате обращения к апокрифу «Мин-ли сюй» 命歷序 («Последовательность периодов [правления, установленных Небесным] повелением», I–II в.) выяснилось, что средневековый историк неверно интерпретировал в древнем источнике конечное служебное слово *e* 也 и в действительности фраза *цы минь мо* 次民没 означает не «Цы-минь сгинул», а «следом народ сгинул» и повествует о завершении эры, в которую люди начали жить в пещерах. При обсуждении Т. А. Сафин предположил, что иероглиф *мо* здесь может иметь не общее значение «погибнуть», а более конкретное – «утонуть», ассоциирующееся с мифом о потопе.

Н. А. Орлова (ИВ РАН) представила промежуточные итоги шестилетнего проекта по поэтическому переводу четверостиший *цзюэ-цзюй* 絕句 («оборванные строки») Бо/Бай Цзюй-и 白居易 (772–846) – одного из трёх крупнейших поэтов Китая эпохи Тан (618–907), в России известного в основном по ритмизированным, но не рифмованным переводам Л. З. Эйдлина (1909/1910–1985). Так, в 2017 г. вышел сборник из ста таких четверостиший в переводе Н. А. Орловой, удостоенный в 2018 г. в Китайском культурном центре в Москве премии в номинации «поэзия» на III конкурсе переводов «Вдумчиво всматриваемся в Китай» (букв. «Разборчиво вчитываемся в Китай», «Пинь-ду Чжун-го» 品读中国) Посольства КНР в РФ, а с 2018 по 2020 гг. при поддержке фонда

РФФИ (ныне РЦНИ) (проект № 18–012–00316) А. И. Кобзевым и Н. А. Орловой было проведено исследование жизни и творчества Бо Цзюй-и и осуществлен поэтический перевод трёхсот его четверостиший, в 2023 году в издательстве «Нестор-История» готовится к изданию монография «Триста четверостиший *цзюэ-цзюй* Бо Цзюй-и: исследование и перевод». Докладчик также сформулировала принципы, которым следовали переводчики: 1) четверостишия расположены в хронологическом порядке с указанием места и времени написания; 2) к переводу прилагаются оригиналы, сверенные по изданию «Бо Цзюй-и ши-цзи цзяо-чжу» 白居易詩集校注 («Собрание стихов Бо Цзюй-и со сверкой и комментариями»), составленному Се Сы-вэем 謝思煒 в 2015 г.; 3) критически учитываются все предыдущие переводы и комментарии; 4) максимально поддерживается равенство «иероглиф = слово», т. е. в строке желательно иметь пять или семь слов; 5) сохраняется четырёхстрочная структура, строка иногда разбивается на две полустроки цезурой, вторая полустрока начинается со строчной буквы; 6) используются разные схемы рифм и стихотворные размеры, традиционные для русской просодии; 7) максимально сохраняются параллелизмы китайского оригинала, имена, должности, топонимы и числительные; 8) названия растений и животных уточняются и переводятся; 9) реалии, персоналии, топонимы и другие термины подробно комментируются. По мнению Н. А. Орловой, такой подход позволяет максимально полно отразить, с одной стороны, формальные особенности «оборванных строк» *цзюэ-цзюй* (их лаконизм, параллелизмы и композиционные особенности), а с другой – содержательные особенности поэзии Бо Цзюй-и (фактологичность, биографичность и контекстность).

Поэтологический блок выступлений продолжил **А. И. Кобзев** (ИВ РАН; РГГУ), отметивший, что поэзия в Китае издревле считалась высшим проявлением не только литературы и искусства, но и образованности и просвещённости, т. е. культуры в целом, поэтому исследование и перевод китайской поэтической классики – необходимый компонент синологии. Докладчик привёл в пример слова В. Г. Грубе (W. Grube, 1855–1908), который утверждал, что в эпоху Тан китайская цивилизация достигла наивысшего раз-

вития именно благодаря поэзии, обретшей совершенную форму и окончательно превратившейся из народной в художественную. Напротив, Л. З. Эйдлин, проводя в 1949 г. параллель между образованием КНР и «молодым танским государством», вслед за Ху Ши 胡適 (1891–1962), которого ранее за это порицал, и Го Мо-жо 郭沫若 (1892–1978), которого за это же восхвалял, утверждал, что специфику стихов эпохи Тан составляет не изощренная форма, а «новое содержание», почерпнутое из народной поэзии, вершиной чего стало творчество «народного поэта» Бо Цзюй-и. С критикой этой идеологизированной позиции и построенной на ней практики содержательного и формального (вплоть до отсутствия рифмы) упрощения в переводе стихов Бо Цзюй-и сразу же выступил В. М. Алексеев (1881–1951). Данная полемика возобновилась в России через шесть с лишним десятилетий и привлекла к себе внимание китайских учёных: подход В. Г. Грубе и В. М. Алексеева нашёл развитие в изучении, комментировании и переводе четверостиший *цзюэ-цзюй* Бо Цзюй-и А. И. Кобзевым и Н. А. Орловой; отстаивая его, А. И. Кобзев подробно разобрал и опроверг критические замечания Ли И-цзиня 李逸津 (1948 г. р.) к переводам Н. А. Орловой двух четверостиший «Отражаясь в зеркале» («Чжао цзин» 照鏡) и «Ответ весне» («Да чунь» 答春).

Р. В. Берёзкин (ИВ РАН; Фуданьский университет, Китай) в своём докладе вынес на обсуждение аудитории вопросы о необходимости новых переводов уже переведённых текстов, о границах соблюдения принципа единообразного перевода одного китайского слова одним русским словом, а также о минимально необходимой стилистической обработке буквального перевода. На примере «Записок о беседке Пьяного старца» («Цзуй-вэн тин цзи» 醉翁亭記) Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072) докладчик отметил и объяснил расхождения между его собственным переводом и классическим переводом В. М. Алексеева.

Н. В. Руденко (ИВ РАН) посвятил доклад поэтизации в процессе научного перевода стихотворений и критически рассмотрел противоположные точки зрения по этому вопросу, после чего предложил методiku совмещения научной корректности с художественной стилизацией при поэтическом переводе с китайского.

В качестве примера был приведён авторский поэтический перевод фрагмента-вступления к эссе Ли Чжи 李贄 (1527–1602) «Суждения о навях и духах» («Гуй-шэнь лунь» 鬼神論), представляющего собой обширную цитату из «Канона стихов» («Ши-цзин» 詩經). Для минимизации ущерба научной корректности перевода вследствие поэтизации подстрочника докладчик предложил следующие рекомендации: во-первых, использовать стихотворный размер «с запасом» – дабы в целях поэтизации можно было ограничиваться лишь добавлением, а не трансформацией и сокращением подстрочника, во-вторых – брать в квадратные скобки добавленное переводчиком (таким образом, в идеале при прочтении текста без учёта добавленного читатель будет иметь перед собой кондиционный подстрочник), в третьих – добавлять в целях поэтизации только то, что следует из контекста и ему не противоречит, то есть фактически не содержит качественно новой информации по сравнению с оригиналом. В частности, допустимыми были признаны добавления синонимов и синонимичных выражений, а также вопросов, ответами на которые является имеющаяся в оригинале информация.

Выступление **А. Б. Старостиной (ИБ РАН; РГГУ)** поставило вопрос о том, как следует действовать исследователю раннесредневековой прозы-*сяошо* при отсутствии критического издания. Сложность работы с данными текстами состоит в том, что многие из них сохранились в разной степени целостности и оказались рассеяны по различным сборникам в различных вариациях, в связи с чем при их переводе приходится либо брать за основу какую-либо из редакций, либо сводить воедино все доступные версии, руководствуясь в спорных моментах теми или иными соображениями (фактически создавая при этом критический текст). По мнению докладчика, в этом процессе незаменимыми для современного исследователя являются как всевозможные справочники, так и электронные инструменты текстуального анализа и оцифрованные корпуса произведений: важно вместе с тем осознавать, что в большинстве случаев реконструировать изначальную версию текста в принципе невозможно – возможно лишь зафиксировать те или иные вмешательства на разных этапах его бытования.

Финальный доклад конференции, с которым выступила **В. Б. Виноградская (ИКСА РАН)**, был посвящён сборнику досуговой литературы на вэньяне «Тени ускользящих снов» («Ю-мэн ин» 幽夢影), представляющему собой комплекс из 219 афористических высказываний Чжан Чао 張潮 (1650–1707?), 580 «критических замечаний» (*пин-дянь* 評點) 125 авторов, четырёх предисловий и четырёх послесловий. Было отмечено, что аллюзий в основном тексте относительно немного, они являются органичной составляющей этого стиля, представлены в широком спектре разной степени явности и особенно часто используются в «критических замечаниях», а их активное применение обусловлено потребностью в создании и осознании нового общего культурного кода так называемыми «литератами» (образованным слоем) того времени. Одновременно с расширением границ текста и его семантическим и стилистическим обогащением аллюзии, по мнению докладчика, сужают аудиторию текста, однако при этом укрепляют чувство общности, превращая читательскую аудиторию в интеллектуальное сообщество.

Таким образом, можно заключить, что конференция «История, культура и язык Китая» прошла более чем успешно – практически каждое выступление сопровождалось оживлёнными дискуссиями, которые не утихали в перерывах и продолжались до самого позднего вечера на торжественном фуршете после завершения основной программы. Хотелось бы надеяться, чтобы пожелание В. Ц. Головачёва о регулярном проведении этого осеннего синологического симпозиума претворилось в жизнь, – ведь как вечны смены времён года, так вечны и проблемы перевода, так неизменно актуальны и вопросы преподавания китайского языка и литературы, а также китайско-российских отношений.